

**Алла
Пугачева
Юлиан
Семенов**

У ПОРТРЕТА

Предлагаемый вниманию читателей материал довольно необычен. Это не привычная беседа в присутствии журналиста, когда каждое слово произносится в расчете на большую аудиторию, когда собеседники стремятся все-сторонне осмыслить затронутую тему. Перед вами, дорогие читатели, стенограмма домашней беседы писателя Юлиана Семенова и певицы Аллы Пугачевой. Поводом для их встречи послужил портрет певицы, написанный молодой художницей Дарьей Семеновой.

Итак, домашний разговор, частная беседа. Но затронуты важные, общественно интересные темы. И это одна из характерных примет нашего времени. Наши домашние разговоры, беседы в кругу друзей сегодня наполнены не только личными заботами. Как личные проблемы обсуждаются вопросы самые злободневные, вопросы общественные, мировоззренческие.

Вопросы, волнующие каждого из нас.

Собеседники в таких ситуациях обычно не претендуют на окончательные выводы, не стремятся к итоговому решению. А с другой стороны, именно в частной беседе человек раскрывается полнее, становится ближе и понятнее, яснее видны его личные, неповторимые черты, человеческая индивидуальность.

Ю. СЕМЕНОВ. Как складываются творческие дела, Алла Борисовна?

А. ПУГАЧЕВА. Сообразно моему девизу: «Все нормально».

Ю. СЕМЕНОВ. Девиз может измениться, и девизу можно изменить...

А. ПУГАЧЕВА. Нет... Впрочем, все труднее беречь ему верность... Все труднее выходить на сцену. Иной раз она кажется мне Голгофой...

Ю. СЕМЕНОВ. Что так?

А. ПУГАЧЕВА. Только одна мысль: неужели это все мне?

Ю. СЕМЕНОВ. Вы о чем? Об успехе или о Голгофе?

А. ПУГАЧЕВА. Раньше я шла на сцену как на праздник... Сейчас — как на плаху... Так холодно вокруг нее... Софиты эти, арлекины... будто бы присматривают... Нет, правда! И хитрые, как змеи. Когда вошла сюда и увидела портрет, мне показалось... реквием какой-то. Ну, хорошо — есть такой портрет... Однако у себя дома я бы его не повесила... А если б повесила, то в той комнате, куда посторонние не заходят... Тут есть такое, что никому нельзя знать, кроме меня... Ваша дочь увидела меня такой?

Ю. СЕМЕНОВ. Спросите у нее.

А. ПУГАЧЕВА. Бывала на моих концертах?

Д. СЕМЕНОВА. Всего раз...

А. ПУГАЧЕВА. Тогда откуда? Однако знает... Многие видят закулисно... И вы ведь, наверное, на людях — один, с дочерью — другой, сами с собой — третий. Что будет, если выставить такой портрет, публично показать: вот она какая! Мне же нельзя будет петь, как сейчас пою... Впрочем... Миф и так рушится. Я говорила: хочу веселиться, развлекать. А смотрю на портрет и думаю: куда уж там веселиться... Смешить с годами все трудней... И дочка уже выросла...

Ю. СЕМЕНОВ. И что?

А. ПУГАЧЕВА. Да, ладно, ничего, проехали...

Ю. СЕМЕНОВ. В 1974 году мы с Дашей были в Испании. Вернувшись, написал «Возвращение в фиесту» — цикл рассказов, связанных с пребыванием Хемингуэя в Испании. В рассказах моим главным собеседником как раз и была Даша. Я хотел сопоставить свое восприятие и ощущения человека совсем иного поколения. Ей было уже шестнадцать, она много и упорно рисовала — художница, куда деваться... Эта поездка многому меня научила, и прежде всего ответственно думать про себя и про детей своих, да и не только своих, конечно. Я кое-что понял, в частности, как мое творчество на них проецируется. Кое-что пришлось пересмотреть, отбросить, жалко было, но вряд ли этого надо бояться... А на многое пока так и не смог ответить. Ответы нужно искать в том, что любит молодежь. Вы, Алла, об этом наверняка тоже думаете. Не поискать ли в психологии, истории, социологии? А может, в литературе. Каких писателей любит молодежь? Вот вы, Алла, как относитесь к Гарсиа Маркесу? К латиноамериканской литературе?

А. ПУГАЧЕВА. Не просто люблю. Оторваться не могу. Но при чем здесь социология, история?

Ю. СЕМЕНОВ. Все время думаю о том, как завязать в один узел вашу личность, очень сильную, яркую, и моду на вас, и науку, и историю, и живопись... Давайте поищем... Какие ваши любимые авторы? Советские, зарубежные...

А. ПУГАЧЕВА. Я очень рано начала читать и, видно, зачиталась. Самые любимые авторы... Тогда было много. Одного и не назову...

Ю. СЕМЕНОВ. Представьте, вам предстоит какое-то время жить на необитаемом острове. Вы можете взять с собой десять книг. Назовите их, пожалуйста.

А. ПУГАЧЕВА. Когда мне было шестнадцать, я была в восторге от Сент-Экзюпери и Грина. Такой период, что ли. А потом мне стал интересен Кафка. Превращения, фантазмагория, представляла себе, как можно фильм такой снять. И вдруг открылся Андрей Платонов. Все плачут над рассказом «Возвращение», а мне больше всего

нравятся «Елифанские шлюзы». Страшный рассказ. Леонид Андреев — «Иуда Искариот». Книга, которую я перечитывала множество раз. Если я скажу, что мой любимый писатель Булгаков, многие сочтут, что я неискренна. Он стал, к сожалению, модой. И будто бы я это специально говорю, потому как люблю Булгакова положено. Я уж в этом никому не признаюсь. Но ведь какой грандиозный писатель! Сейчас самая для меня любимая книга — «Константин Коровин вспоминает». Как бы мне ни было плохо, я открою эту книгу наугад и найду совет, мудрую мысль... Фантастика, а не книга. Будто откровение... А страницы, посвященные Врубелю...

Ю. СЕМЕНОВ. У меня такая любимая книга — «Дневник» братьев Гонкур.

А. ПУГАЧЕВА. Еще люблю воспоминания Шкловского о Маяковском. Мне сейчас ближе такие книги. Они для меня важнее, чем просто беллетристика. Новое читаю сейчас только по совету. Смотрите-ка, люди продолжают отстаивать свободный выбор в любви, но и свахи возвращаются, сватовство. Так и с книгой у меня. Сосватают — буду читать.

Ю. СЕМЕНОВ. Я, кажется, кое-что о вас теперь знаю. Обычно разделяю людей на две большие группы. Пассивных и активных политически. Это, по моему, одна из важнейших характеристик. Вот вы, Алла, на взгляд человека крайне политизированный.

А. ПУГАЧЕВА. Я?!?

Ю. СЕМЕНОВ. Ну да...

А. ПУГАЧЕВА. Да что вы?! Я об этом даже и не думала никогда...

Ю. СЕМЕНОВ. Не спешите... Это значит, вы точно знаете, чего хотите, чувствуете происходящее, перевариваете его в себе и не просто откликаетесь, но и предлагаете свои решения.

А. ПУГАЧЕВА. Хорошо! Пусть будет так. Конечно, я напрямую связана с временем, а стало быть, с людьми. Но меняется время, меняется и публика. Три года назад — одна, нынче — совсем другая. Три года назад я пела «Сонет», «Не отрекаются любя», сейчас — «XX век», «Птицы», «Скачки»...

Ю. СЕМЕНОВ. Вот-вот... Вы чувствуете время. А оно не стоит на месте. Новые ритмы, новые образы, да и лексика иная — у молодежи. Ее не пугать надо, а понять — отчего это они так себя реализуют, а не иначе. Подчеркиваю: понять. Я убежден в том, что надо глубоко уважать две главные особенности нашего времени: скорость и тягу людей к информации. Как талантливо Флобер проинформировал современно-го ему читателя да и нас с вами о положении женщины во Франции в середине прошлого века... Информация ведь не только цифры и факты, но только статистика... Мне все время видится ваш концерт, на котором вы работаете... ну, допустим... с профессором Капицей... Он говорит о науке, но, знаете ли, нынче наука без этики, без воспитания чувств невозможна! Она ведет к преступлению... А воспитывать чувства — удел искусства. Разных видов и жанров, но обязательно ТАЛАНТЛИВОГО!

А. ПУГАЧЕВА. Что ж... Однако не должно быть так, чтобы искусство несло в себе только привычное, знакомую мысль, устоявшуюся форму. Это скучно... Даже если очень профессионально или виртуозно... Нужен синтез. В моем деле — синтез жанров, а это уже не эстрада, это театр, театр песни.

Ю. СЕМЕНОВ. И скоро будет такой?

А. ПУГАЧЕВА. Я считаю, что он уже давно у меня есть. Нет стен и нет статуса театра, но это не причина для молчания. Я должна петь, не могу не петь.

Ю. СЕМЕНОВ. Способ существования?

А. ПУГАЧЕВА. Скорее, способ выражения чувств...

Ю. СЕМЕНОВ. Поверьте — это способ существования. Хотя вы еще молоды, но по количеству песен, которые любимы в стране, превзошли Эдит Пиаф, когда она уходила. Вот такой я вам «высчитал» комплимент.

А. ПУГАЧЕВА. Спасибо. А вы не боитесь за меня, ведь ищут-то я себя на людях?.. А если под гипнозом популярности потеряю критерии, невольно начну халтурить?

Ю. СЕМЕНОВ. Не начнете, у вас субстанция другая. Иначе нарушите контакт с самой собой. Верите в себя?

А. ПУГАЧЕВА. Да!

Ю. СЕМЕНОВ. Вот давно хотел спросить: «Чучело» с вашей дочерью в главной роли — не автобиографический ли это фильм?

А. ПУГАЧЕВА. В какой-то мере... По тону, по настроению...

Ю. СЕМЕНОВ. Вас не пугает, что Кристина входит в искусство?

А. ПУГАЧЕВА. Чего пугаться? Я ж маму не спрашивала... Время покажет.

Ю. СЕМЕНОВ. В глубине души, наверное, радуется?

А. ПУГАЧЕВА. Радует, что она что-то уже сумела. И самостоятельность радуется. А вы, Юлиан Семенович, не переживаете, что Даша стала художницей?

Ю. СЕМЕНОВ. А ее художницей сделали. В школе ее очень мучили на уроках истории и литературы, дескать, дочка писателя. Она злилась и рисовала лошадей, только лошадей. А если человек может нарисовать лошадь — это уже задаток. Кстати, у вас есть экслибрис?

А. ПУГАЧЕВА. Нет.

Ю. СЕМЕНОВ. А что бы вы хотели увидеть на нем?

А. ПУГАЧЕВА. Полет, наверное...

Ю. СЕМЕНОВ. Икар?

А. ПУГАЧЕВА. Нет. У меня все время полеты... В песнях — «Воздушный змей», «Поднимись над суетой». Во сне до сих пор летаю... Не люблю, когда высоко, когда в космосе — страшно. Поближе к земле, на той высоте, что и птицы... Только проводов боюсь, это такие пути.

Ю. СЕМЕНОВ. Очень знакомо! Примерно два раза в год мне показывают один и тот же сон: лечу на самолете, и он цепляется за провода!

А. ПУГАЧЕВА. Я, кажется, начинаю понимать, почему мне снятся страшные сны. Это оттого, что в жизни начинаешь за кого-то бояться.

Ю. СЕМЕНОВ. Дети? Кристина, да?

А. ПУГАЧЕВА. И не только... У мамы моей было четыре инфаркта, недавно мы ее потеряли... Раньше я не боялась пробовать, экспериментировать, никаких статей не боялась, в том числе разгромных... Теперь боюсь. Осторожность — как же она мне противна! Но моя неосторожность может повредить близким...

Ю. СЕМЕНОВ. А если закрыться? Человек с такой славой, как ваша, не может быть открыт, распахнут. Сомнут ведь доброжелатели и поклонники... Я слушаю вас, и мне пришел в голову сюжет, пока даже и не знаю, что сделаю с ним, но расскажу — в двух словах, представьте: вдруг все, что поклонники твердят, выдумывают об Актрисе, начинается происходить с ней на самом деле...

А. ПУГАЧЕВА. Но это ужасно!..

Ю. СЕМЕНОВ. Вот и я о том. Должны же люди чувствовать ответственность за свои выдумки, а правильнее сказать, сплетни. До сих пор удивляюсь: какая душа была у того человека, который пустил слух, будто бы вы задавили машину свою дочь. И ладно бы только выдумали... Еще ведь и звонили без устали, соболезновали... Каково?..

А. ПУГАЧЕВА. И меня саму хоронили уже не раз, и петь я переставала, и в Париже, в «Олимпии», был якобы жуткий провал! Что мне делать? Опровергать? Кого? Тот, кто пустил сплетню, предпочитает оставаться неизвестным. Поэтому я говорю так: «Спасибо тем, кто меня хоронит, значит, буду жить долго. Спасибо тем, кто рассказывал о моих провалах, значит, и сия чаша меня минует. Спасибо и тем, кто предсказывал мне забвение, значит, и это не скоро случится...»

Ю. СЕМЕНОВ. Мечта всякого художника — завоевать мир! За это приходится платить...

А. ПУГАЧЕВА. Выдержать то, о чем вы говорите, не самое трудное. Артисту суждено постоянно ощущать на себе

чужие взгляды. Труднее быть не в согласии с самим собой. Я все время думаю о зрителе: чего он хочет? Зачем пришел? Меня послушать? Или увидеть в лицо, что слышал обо мне... Что его интересует: песни или аттракцион?

Ю. СЕМЕНОВ. Ну, а своя публика, она ведь наверняка есть?

А. ПУГАЧЕВА. Есть. Только она пока что редко попадает на мои концерты... Однажды в Вильнюсе на площади перед Дворцом спорта собралось такое число людей, не сумевших попасть на концерт, что мне стало неприятно и обидно... Я потребовала, чтобы настежь открыли окна и двери... Если им билета не удалось достать, то пусть хотя бы послушают...

Ю. СЕМЕНОВ. А телевидение? Не полагает?

А. ПУГАЧЕВА. Однажды встречалась я с руководителями ТВ и предложила: «Знаете, хорошо бы сделать субботнюю дискотеку. По вечерам. Включил телевизор, а там — популярные певцы, танцевальная музыка...» И вдруг слышу в ответ: «Как вы относитесь к Обуховой?!» Ах, боже! Великая певица... Но я о другом: «Те дискотеки были бы и нам, певцам, нужны... Есть много песен, которые в программе не ложатся, их хорошо бы спеть на дискотеке...» Но тут опять: «Вот Шостакович об Обуховой писал...» Да при чем тут она!.. И зачем все это насильно между собой увязывать? Я ведь тоже певица, но другая, и то, что я делаю, так же необходимо людям. А если я стану послушной и разумной, вам — зрителям — это не понравится. Я лучше буду думать о будущем. Пластинки вот записываю. Фильмы... Может быть, я сделала немало, имя уже знают! Но сути... сути еще нет. Ну что ж, пора прощаться... Я чувствую: пройдет время, и я снова захочу увидеть этот портрет... Но тогда я его совсем иначе увижу, да и сама тогда буду совсем другой, а стало быть, прежняя...

Ю. СЕМЕНОВ. Вы и так на портрете одна, сейчас, здесь, — вторая, в песнях — третья... Это и прекрасно, по моему! С вами не соскучишься...

А. ПУГАЧЕВА. Главное — специально ничего не выдумывать. Ну, что? (Лохматит волосы, резко меняет интонацию.) Пойдем, что ли, Пугачеву делать? Разболталась я, однако, с вами... Смотрю, портрет умный... Дай и сама поумничаю, что ли! Лучше попросили бы песню спеть...

Записал
Андрей ЧЕРКИЗОВ.

И все же вопросы остаются. Раньше было не очень-то принято знакомить читателей с тем, что говорится за закрытыми дверями, говорится во многом для своего личного уяснения. Стоит ли это делать сейчас? Не слишком ли уж частный характер носит предлагаемая вам, дорогие читатели, беседа? Не преобладает ли в ней все-таки быт? Давайте размышлять вместе. Мы готовы выслушать ваши мнения, замечания. Если же наша новинка заинтересовала вас, покажитесь нам темы будущих бесед, их участников.

✉ К ЧИТАТЕЛЯМ

Ждем ваших писем с предложениями, советами, пожеланиями.